

Цыганка

Так он сразу её назвал, когда впервые увидел в школе. Потому что была красива той дерзкой красотой, какой бывают красивы только цыганки.

Она стала единственной «цыганкой» в его жизни, которая ничего не просила, а только отдавала.

Поначалу ему казалось, что таких он уже видел. Это было в детстве, когда жил на Кубани и любил ходить в цыганский табор, что располагался на краю его

станции. Они там все были красивы в своих узорных платьях и платках, накинутах на плечи. А их плечи умели танцевать вместе с руками, ногами и гибкими станами, такими же завораживающими, как цыганские песни, которые уносили его куда-то в неземное пространство.

Потом уже в Москве, куда он попал тоже ребёнком, но на рубеже отрочества, таких женщин видел только в театре «Ромэн». А на улицах и вокзалах они постоянно что-то просили. И взрослые, и дети. Тогда он ещё не знал, что в театре «Ромэн» далеко не все артисты — цыгане, а им просто надо, чтобы так думали зрители.

* * *

Эту же он встретил ещё девочкой. Она возвращалась из школы. В Москве стояла студёная, снежная зима, и ей было холодно. А кроме того, какой-то конопатый мальчик постоянно толкал её в сугробы и осыпал снегом. Она уже готова была заплакать. Ему не понравилось, что мальчик её обижает. И он легко остановил его, потому что не любил, когда обижают слабых, и тем более девочек.

А она пошла домой.

Он долго не знал, что эта девочка училась в той же школе, где и он сам. Но как-то увидел ее уже старшеклассницей на школьной лестнице.

И взял её ладошку...

Они сразу пошли гулять по деревянному мосту и что-то друг другу рассказывали. Что, — никто не знает, и они сами не помнят. Помнят только: была ранняя весна, и пахло талым снегом. Они тогда даже не знали, что она была той самой — ещё недавно маленькой «цыганкой», а он — тем самым «рыжим», который не позволил конопатому мальчишке её обидеть в холодный зимний день.

А потом ранняя весна перешла в весну с черёмухой и сиренью, и «рыжий» обламывал душистые ветки для девочки-«цыганки». И ещё пел для неё на школьном вечере: «...Пароход белый-беленький, / Чёрный дым над трубой. / Мы по палубе бегали. / Целовались с тобой...». Пел потому, что они сами постоянно по такой «палубе бегали».

Летом он готовился к поступлению в институт, а она уехала куда-то на очередные школьные каникулы.

А первого сентября он вышел на балкон и ждал, когда она пойдёт в школу мимо его дома. Узнал её ещё издали по оставшейся с детства мягкой походке, какую видел только у одной женщины — своей мамы. Он не позвал её, а лишь проводил взглядом до школы, которая была видна с его балкона. Не позвал потому, что перехватило в горле...

Потом была зима. Снежная и очень красивая. Они гуляли вечерами там, где стояли их осенние и весенние лавочки. И те лавочки «рассказывали» им про их весну и осень. А «рыжий» и «цыганка» тогда постоянно хотели об этом слышать.

Но гулять долго могли не всегда, потому, что многие вечера были морозными. И они нашли дом с тёплым подъездом. Выбрали восьмой этаж с широким подоконником, на котором было уютно сидеть.

Они, правда, ходили ещё в театры и кино, но почему-то этот подъезд им нравился больше. Наверное, потому, что он тоже стал для них той «палубой», с которой не хотелось расставаться.

«Цыганка» и «рыжий» так и не замечали бы ни времени, ни окружающих,

если б на нижнем пролёте не открывалась бы дверь, и на пороге не появлялся небольшой кругленький мужчинка. Он говорил, что им нечего делать в чужом подъезде, что не знает их и сейчас вызовет милицию.

Но милицию ни разу не вызвал. Может, когда-то и сам так же приходил греться в чужой подъезд и был там счастлив. А сейчас вспомнил об этом и перестал выходить на порог своей квартиры.

Но даже, если и выходил бы, ничего изменить не мог. Потому что эти двое хоть и грелись в его подъезде, были совсем не там. Они были где-то над тем домом и всеми остальными домами, — где он держал её тёплую ладошку.

«Рыжий» тогда ещё не знал, что о таком состоянии уже давно рассказал один человек, который однажды взлетел над своим Витебском, где так и остался.

Узнал он об этом позже — от неё, потому что она всегда хорошо училась и много читала. Он же был оболтус, и редко ходил в школу.

Лишь, когда там увидел её, тоже стал прилежным учеником. Но только потому, что после уроков мог провозжать домой или идти с ней куда-то.

* * *

И вот это незнание привело к тому, что он не понял главного: если люди поднимаются так, как взлетел когда-то человек над Витебском, они уже не падают, а остаются там — вместе и навечно. И поэтому, когда ему показалось, что она разжала ладошку, упал.

Он не спросил, почему разжала. Лишь подумал, что надоела ей его ладонь.

Если бы спросил, не упал.

Но чтобы совсем не разбиться, стал писать. Писал о разных людях — добрых и злых, талантливых и завистливых, бедных и богатых, счастливых и обездоленных...

И все, кто читал его, думали, что он пишет сказки. Но это были не сказки. Там в тех или иных персонажах жила она. Нет, о ней, как таковой, он почти не писал. Только о разных её чёрточках, которые никогда не уходили из его души. И о себе где-нибудь рядышком — в виде кого-то вроде бы придуманного. Лишь один раз назвал её имя. Однако там написал о ней очень мало. Не сумел столько, сколько хотел. Вот и дописывал остальное в разных персонажах.

Она же в это время освоила много профессий. Побывала в разных странах и многое повидала. Порой вспоминала и о нём. Но вскользь, не понимая, куда он тогда подевался.

Иногда вспоминала, как билось в ту пору её сердечко. И как, чтобы успокоить его, шла с подружкой пешком по ещё красивой тогда Москве до самого красивого места — Красной площади.

Конечно, об этом она ему не рассказала. Но он мог бы понять и сам, если бы много лет не пропускал уроков литературы и больше читал. Ведь обо всём, что с ними случилось в школе, уже сказано. Надо только уметь прочитать.

* * *

Через много лет он увидел её в метро. Она почти не изменилась, поэтому узнал сразу. А она, конечно, узнать его не могла, и прошла мимо старого и большого сочинителя. Теперь уже не рыжего, а седого.

Он же вспомнил, как когда-то придумал для неё песенку. И слова эти снова пришли ему на память:

*Поведай мне тайну, цыганка,
Потом до утра задержишь —
Уйдём мы с тобой спозаранку
В другую — нам новую жизнь.*

*Уйдём босиком, без поклажи,
Оставим недавнюю грусть.
И ты о себе мне расскажешь,
А я за тебя помолюсь.*

*Хоть я не умею молиться,
Но как-то приходят слова,
И в них наши прежние лица,
Где ветер, звезда и трава.*

*Где мы босиком спозаранку
Бежим в нашу новую жизнь...
Поведай мне тайну, цыганка,
Потом... навсегда задержишь.*

* * *

Однажды, летним вечером, когда она шла с работы, в садике соседнего дома какие-то ребята пели эту песенку под гитару. Слова и мотив показались ей знакомыми, и она постепенно вспомнила, что был такой рыжий мальчишка, который нередко рассказывал ей что-нибудь смешное и никому не позволял её обижать.

И подумала:

— Интересно, где он теперь?

Первый поцелуй

Юрка, который давно уже Георгий Александрович, родился в середине 40-х на Кубани, в казачьей станице, где и жил первые 10 лет, пока отца не перевели на работу в Москву.

Станицу давно уже не узнать. Там теперь всё другое, и всё для него чужое — люди, дома, дороги...

Но место, которое станичники называли «поляной», пока осталось прежним. А с этой поляной связан один из самых ярких моментов Юркиной жизни.

Он быстро научился играть на гармонии, которую утром первого января обнаружил под новогодней ёлкой, когда ему было шесть лет. И так, как этому подарку «от Деда Мороза», Юрка никогда и никакому не радовался, ни до, ни после.

С гармонью он уже не расставался, даже когда спал. Она была его мечтой, которая так прекрасно и неожиданно осуществилась.

Правда, гармонь стала уже вторым его музыкальным инструментом. Первым была скрипка. Дело в том, что способности к музыке проявились у мальчика с ма-

лых лет. Все мелодии, которые Юрка слышал по радио, или кто-то напевал дома и на улице, он тут же верно воспроизводил. Особенно ему нравилось петь гимн Советского Союза и песню, начинающуюся словами: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...».

Заметив любовь к музыке и хороший слух, родители купили Юрке в ближайшем от станицы городе Армавире детскую скрипку, в надежде, что когда-нибудь он станет знаменитым музыкантом.

Может, купили бы и что-нибудь другое — балалайку, например, или мандолину, которые тоже были популярны в станице, хотя и не так, как гармонь. Но когда приехали в город, кроме детских скрипок, ничего из музыкальных инструментов в магазине не было.

И решили — пусть будет скрипка. Тем более, что на ней играл его отец, который во время учёбы на агронома в московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева занимался ещё и в музыкальном кружке, и даже выступал в составе институтского оркестра. Он и мог обучить сына азам и даже чему-то большему.

Но скрипку Юрка благополучно разобрал в поисках того места, откуда выходит звук.

Поиск был настолько глубоким, что собрать инструмент уже не удалось.

* * *

Гармонь появилась у него года через два после эпопеи со скрипкой. Родители, очевидно, надеялись, что сын слегка поумнел, да и разобрать гармонь сложнее.

К тому же надо сказать, что гармонь в станице всё-таки являлась инструментом номер один, а гармонист — одним из самых уважаемых людей. И уж точно — самым популярным.

Он всегда и везде был нужен: в дни радостей, горя, да и просто так — под настроение.

И, конечно, каждый парень мечтал иметь гармонь и на ней играть.

Юрка научился это делать довольно быстро, и уже вскоре стал обучать других. В основном это были ребята значительно старше его. И те, кто уже чему-то научились, но не могли иметь собственную гармонь, играли на Юркиной сколько хотели...

* * *

В возрасте девяти лет он впервые получил приглашение поиграть в том месте, которое так давно его манило.

Это была станичная поляна, где по вечерам собиралась молодежь. Там пели песни, завязывались романы, происходили личные драмы, рушились старые и рождались новые пары. Иной раз доходило и до драк, но это быстро гасили — дерущихся разнимали и пытались помирить. Если не удавалось, с поляны удаляли.

Поскольку подавляющую часть времени на поляне пели, фигура гармониста была там главной.

Случилось так, что постоянного музыканта последних лет призвали в армию, и во время проводов он рекомендовал Юрку. Может быть, в шутку, вспомнив, что первоначальный курс обучения тот проходил у него. Но, поскольку Юркина игра нравилась станичникам, и его все знали, это восприняли всерьёз.

Так и сбылась его тайная мечта. Точнее, даже не мечта — ему хотелось лишь попасть вечером в то место, о котором ходило так много романтических слухов. А уж о том, чтобы там аккомпанировать — так далеко фантазии его не заходили.

* * *

Тот летний вечер он помнит отчётливо. Несколько старшекласников маминого класса, где она была ещё и классной руководительницей, зашли просить её под их ответственность отпустить сына с гармонью на поляну. Мама отпустила с условием, что в девять часов Юрка будет дома.

Встретили его радушно, может быть, ещё и потому, что среди ребят были те, которых он сам уже учил игре на гармонии.

Поскольку все песни, что пели в станице, Юрка мог сыграть, то поначалу принимал заказы и выполнял их. Но вскоре, незаметно для себя, настолько освоился, что сам стал диктовать музыкальную часть вечера, плавно переходя от наигрыша одной мелодии к другой.

Пели много. Казаки народ певучий. Песни были самые разные — военные, казачьи, цыганские и, конечно же, частушки или, как их называли в станице, страдания.

Одно из них Юрка услышал там впервые и запомнил сразу и на всю жизнь:

«Гармонист, гармонист, положи меня на низ,

А я встану, погляжу — хорошо ли я лежу».

Много лет он думал, что это сочинение кубанских мест. Однако уже взрослым узнал, что та же частушка гораздо раньше, чем на него, произвела не меньшее впечатление на одного мальчика в Сибири. Этим мальчиком был впоследствии замечательный русский писатель Виктор Петрович Астафьев.

Он привёл её слова в одном из своих рассказов, как образец народного юмора и тонкого озорства.

* * *

Но вернёмся на поляну. В один из вечеров, когда там ещё собирался народ, а Юрка сидел на бревнышке и что-то тихонько наигрывал, к нему подошла девушка. В станице все её звали Нинка.

И хотя это имя там было довольно распространённым, когда говорили «Нинка», почему-то все знали, о ком идёт речь. К остальным её тезкам необходимо было прибавлять фамилию.

Может быть, такое происходило потому, что эта Нинка своей красотой и многочисленными розыгрышами, как теперь говорят — «на грани фола», постоянно привлекала внимание и была у земляков на слуху.

И очередной её жертвой стал Юрка. Она спросила — умеет ли он целоваться по-настоящему. Естественно, в силу своего возраста он был ещё очень сырой для такого опыта, поэтому сначала очень смутился.

Но, поскольку настоящий казак, которым он очень хотел считаться, не мог, по его разумению, иметь такой пробел в своем жизненном образовании, то тут же соврал, сказав, что такие пустяки его не интересуют.

Нинка же резюмировала так: если не умеет, то настоящего казака из него не выйдет.

Такого мнения о себе он, конечно, допустить не мог, но и сознаться в том, что только слышал о поцелуе «по-настоящему», тоже не хотел.

Поэтому ответил уклончиво, что, мол, конечно же, умеет, но не любит.

Однако не на ту напал. С Нинкой такие номера не проходят. Она попросила показать, как он это делает, объяснив свою просьбу тем, что многие думают, будто умеют, но часто ошибаются. И, чтобы Юрка не попал в нужный момент впросак, хочет проверить.

Предложила поцеловать себя.

Юрка опешил, но Нинка сказала, чтобы он не стеснялся, поскольку темно, и никто не увидит, а она оставит всё это в тайне. Только между ними.

Не поцеловать первую красавицу, о которой многие сохли, было выше его сил.

С колотящимся сердцем Юрка обнял девушку и поцеловал, как ему казалось, «по-настоящему», поскольку в губы. Были, правда, у него некоторые сомнения в том, что сделал «как надо», потому, что уж очень коротким получился поцелуй. А он уже знал от старших ребят, что это длится дольше.

Однако сильное, доселе не испытанное им волнение заглушило такую мысль.

Нинка похвалила, но сказала, что, если совсем по-настоящему, как у взрослых, то она может научить.

Тут уж его волнение было пересилено любопытством.

Он поинтересовался, что значит «как у взрослых», на что Нинка ответила: «Как помидор высасываешь».

Ему показалось, что ничего тут сложного нет, и они договорились сделать это, когда она пойдёт проводить его домой.

Авторитет Нинки среди сверстников, да и тех, кто постарше, был высок, и, как только она сказала, что проводит гармониста одна, возражений не последовало.

После этого разговора Юрка с таким волнением ждал окончания вечера, что не помнил, какие мелодии играл. Всё происходило автоматически. А в голове билась лишь одна мысль: «Не опозориться».

Но, поскольку гармонию он владел прилично, никто этого волнения не заметил.

* * *

И вот уже близко те девять вечера, когда его нужно отвести домой. С ним, как обычно, тепло прощаются и ждут завтра в то же время. Они с Нинкой уходят, а ребята, среди которых очередной её кавалер, красавец и силач Ваня Дудко, чемпион области по гиревому спорту, остаются.

Юрка с девушкой подходят к его дому, она садится на лавочку у плетня и предлагает начать.

В сильном волнении «кавалер» всё же вспоминает про помидор и... сначала робко, а потом всё увереннее, буквально впивается в её губы.

В голове в это время каша — и волнение от этих сказочных губ, и ощущение нереальности происходящего, и, огромное желание не опозориться, чтобы можно было считаться настоящим казаком.

Длилось это, наверное, не так уж долго, но ему показалось, что бесконечно.

Поцелуй закончился по инициативе Нинки. Она легонько отстранилась, как-то удивленно на него посмотрела и похвалила. При этом, Юрка обратил внимание, стала потирать нижнюю губу.

Как выяснилось позже, будущий казак с перепуга слегка перестарался — губа на следующий день припухла и посинела...

Они вошли во двор. Нинка постучала в окошко. Вышла мама. Она очень обрадовалась такой гостье и позвала в дом. Нинка поблагодарила и, сославшись на то, что её ждёт Ваня, ушла...

* * *

Вечером следующего дня, когда Юрка, как обычно, пришёл на поляну, к нему подошел Ваня и сказал, что Юрка отбил у него девушку, и теперь ему очень скверно и грустно. И он не знает, что ему делать. Очевидно, добавил Ваня, придётся уехать из станицы, т.к., помимо этого, над ним ещё и все смеются.

Юрка был настолько ошарашен такой новостью, что у него не хватило ума сообразить: смеяться над Ваней в таких обстоятельствах вряд ли кто решится. Во-первых, в станице так было не принято, а во-вторых, учитывая Ванину силу, небезопасно.

О последнем он подумал и применительно к себе, но, поразмыслив, решил, что большая разница в возрасте, наверное, не позволяет Ване его наказать. К тому же он сказал, что теперь Юрка непременно должен жениться на Нинке, и это вытеснило из головы юного кавалера все остальные мысли.

Он стал размышлять, когда и как это сделать.

Жениться на самой Нинке, которая была мечтой всех ребят и неженатых мужчин, вот так просто — эта новость пока не укладывалась в его детском сознании.

Но она целиком завладела Юркой. Он забыл о своём возрасте и о том, что придётся известить папу с мамой. Теперь ему лишь хотелось поскорее окончить школу. Речь уже не шла о десяти классах. Хотя бы для начала — семь.

Эти размышления прервала Нинка. Она подошла к нему и нежно, как-то уж очень по-взрослому обняла. Естественно, он не заметил, как все, кто к этому моменту был на поляне, прилагают невероятные усилия, чтобы не то что не рассмеяться, а не умереть со смеху. Все были в курсе этого розыгрыша и тихонько наблюдали за Юркиной реакцией на Ванины слова и артистические действия Нинки.

Она тихо, сделав вид, будто не хочет, чтобы кто-то слышал, сказала «кавалеру», что Ваня ей этого не простил и в станице все её осуждают, добавив, что теперь ей придётся уехать, а сейчас, как ей ни жаль с ним расставаться, пришла проститься.

Позже Юрка узнает, что на поляне стояла почти мертвая тишина, так как такого цирка станица ещё не знала. Но тогда ничего этого он не замечал. Ему только хотелось сделать так, чтобы Нинку никто не посмел обидеть.

Сильное волнение так «клюнуло» Юрку в голову, что он вдруг обнаружил себя вставшим и громко говорящим о том, что Нинка никуда не уедет, а, когда он окончит семь классов, они поженятся.

О Ване Юрка в тот момент забыл, хотя ему очень не хотелось, чтобы и Ваня уезжал. Но, видимо, Нинка поглотила все его мысли.

Реакцию, которую вызвали эти слова, передать сложно. На поляне стоял какой-то стон. Многие уже лежали на траве, буквально оцепенев от услышанного.

Первым подошёл к нему Ваня. Он протянул руку, пожал Юркину и сказал, что раз настоящий казак так решил, то и он не уедет, а всё стерпит. И добавил, что время лечит.

Нинка же как-то очень нежно Юрку поцеловала. Остальные ещё валялись, не в силах встать и что-то произнести. Это длилось настолько долго, что до него стал доходить смысл происшедшего. Когда он окончательно понял, что его разыграли, сильно огорчился: ему очень понравился их поцелуй «по-настоящему». И ещё что-то, чего он не мог объяснить, но, что тоже до Нинки не испытывал.

А теперь знал, что это больше не повторится.

И то, что Нинка не станет его женой, ещё долго не давало ему покоя...

Правда, втайне он надеялся, что когда-нибудь, когда вырастет и станет таким же большим и красивым, как папа или Ваня, Нинка его полюбит, и всё у них впереди...

* * *

Но тогда ни он, ни кто-либо другой не мог знать, что «его» Нинка, которая вскоре выйдет за Ваню и родит мальчика и девочку, окончит в Армавире педагогический техникум и станет работать воспитательницей в детском доме.

Во время одного из её ночных дежурств в корпусе самых маленьких случится пожар. Пока будут ехать пожарные и бежать люди, она сумеет вынести и вывести почти всех детей, за что её представят к награде.

Но получают награду родители — через два дня после пожара Нинки не станет. Не выдержит сердце.

Проститься с ней придёт вся станица.

Когда начнут опускаться в землю, раздастся оружейный залп. Это военные, которые традиционно оказывали помощь при уборке урожая, придут проводить замечательную женщину Нину Николаевну Шлыкову.

Ту самую Нинку, которая когда-то подарила Юрке его первый поцелуй «по-настоящему».

И он помнит об этом все эти долгие годы.